

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).083

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-181-191>

Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова

© А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые подробно рассматриваются и анализируются взгляды на проблему черносотенного террора известного русского правого политика, последнего председателя Союза русского народа, лидера фракции правых в Государственной думе III и IV созывов и председателя Высшего монархического совета в эмиграции Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945). Изучены публичные высказывания Маркова, сделанные в ответ на обвинения правых в организации еврейских погромов, создании боевых черносотенных дружин и убийствах оппозиционных политиков. В научный оборот вводится речь Маркова, произнесенная в III Государственной думе в защиту Союза русского народа, а также новые факты биографии этого правого политика. Обращается внимание на то, что оправдывая открытое противостояние черносотенных дружин левым радикалам в годы Первой российской революции, Марков не находил оснований для публичного оправдания убийств политических противников и дистанцировался от единомыслия с погромщиками и террористами. Внимания также заслуживают указания Маркова на то, что проблема насилия справа в период революции 1905–1907 гг. не может рассматриваться в отрыве от массового насилия слева и учета общей политической ситуации, грозившей гражданской войной. Показано, что, несмотря на апологетический характер высказываний Маркова, они представляют несомненный интерес для исследователей, поскольку позволяют не только уточнить взгляды политика, но и взглянуть на проблему черносотенного террора, воспользовавшись совершенно иной, отличной от распространенной в левых и либеральных кругах (а также и в советской историографии), «оптикой».

Ключевые слова: Н.Е. Марков, черная сотня, черносотенцы, правые, черносотенный террор, правый террор, Союз русского народа, погромы, черносотенные дружины, Революция 1905 года

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00252.

Для цитирования: Иванов А.А. Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 181–191. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-181-191>

Black-Hundred terror in the perception and treatment of the leader of the Union of Russian People N.E. Markov

© Andrei A. Ivanov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article for the first time documents and analyzes the look on the problem of Black-Hundred terror of the prominent Russian right-wing politician, the last chairman of the Union of Russian People and the leader of the right-wing faction of the National Duma of III and IV sessions, and the chairman of the Supreme Monarchist Council in emigration Nikolai Evgenyevich Markov (1866–1945). The article gets an insight into Markov's public utterance in response of accusations of Right-Wingers of organization of Jew bashing, establishment of Black-Hundred armed forces and assassinations of opposition politicians. The speech of Markov delivered in the III National Duma for defense of the Union of Russian People is introduced into scientific discourse as well as new facts of biography of that right-wing politician. The spotlight is turned on the fact that while finding excuses for open conflict of Black-Hundred detachments with left-wing radicals during the First Russian Revolution Markov didn't find ground for public excuse of murders of political foes and dissociated himself from conformity of ideas with

pogrom-makers and terrorists. The words of Markov that the problem of right-wing violence during the revolution of 1905–1907 cannot be viewed in isolation from left-wing mass violence and consideration of the whole political environment which threatened with civil war are also worth noticing. It is shown that despite the apologetic nature of Markov's statements they are of real interest for researchers because they make possible not only to clarify the politician's views but also to look at the problem of Black-Hundred terror, using "optics" markedly different from that popular in left-wing and liberal circles (as well as Soviet historiography).

Keywords: N.E. Markov, the Black Hundred, Black-Hundreders, Right-Wingers, Black-Hundred terror, right-wing terror, Union of Russian People, pogroms, Black-Hundred detachments, revolution of 1905

Acknowledgements: This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 19-09-00252.

For citation: Ivanov A.A. (2021) Black-Hundred terror in the perception and treatment of the leader of the Union of Russian People N.E. Markov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 181–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-181-191>

Проблематика черносотенного террора, под которым одни исследователи понимают любые акты насилия, совершенные в годы Первой российской революции монархически настроенными массами (погромы, избиения противников самодержавия, убийства революционных деятелей во время потасовок и т. п.), а другие – исключительно деятельность боевых черносотенных дружин и теракты, к которым были причастны (или подозревались в причастности) члены крупнейшей правой партии Российской империи – Союза русского народа (СРН), остается одной из самых острых и сложных тем в истории правого движения (Карпунин, 2009. С. 196–263). Еврейские погромы осени 1905 г., борьба черносотенных дружин с левыми радикалами, убийства депутатов Государственной думы М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса, А.Л. Караваева, неудавшиеся покушения на С.Ю. Витте в 1906–1907 гг. – все это ставилось политическими противниками черносотенцев им в вину; о крайне правых партиях, начиная с момента их возникновения, насаждалось представление как о погромщиках и виновниках черносотенного террора. В.И. Ленин писал, что черносотенцы могут лишь «жечь, убивать, громить» (Ленин, 1972. С. 26, 193); П.Н. Милюков с думской трибуны характеризовал СРН как «союз убийц и погромщиков» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 3, 1910. Стб. 2520)¹; кадетская «Речь» называла правые

партии «монархистами-террористами» (Смирнов А. О черносотенном движении // Речь. 1906. 1 апреля); жандармский генерал А.В. Герасимов именовал черносотенцев «террористами справа» (Герасимов, 1985. С. 149), а С.Ю. Витте – «убийцами из-за угла» (Из архива С.Ю. Витте, 2003. С. 236–237). Подобные характеристики правых партий регулярно встречались в социалистической и леволиберальной прессе начала прошлого века, оттуда перекочевали в советскую историографию, а затем, отчасти, и в российскую (Национальная правая..., 1992. С. 11, 13, 41, 93 и др.; Маршалова, 2005. С. 182–183). Современные исследователи существенно скорректировали шаблонное восприятие этой сложной проблемы (Степанов, 2013. С. 85–152, 237–268; Омельянчук, 2006. С. 570–621), однако споры о причастности и ответственности правых партий и их вождей за те или иные преступления, совершенные в 1905–1907 гг., ведутся историками до сих пор и до достижения консенсуса в этом вопросе все еще далеко. Задача данной публикации – систематизировать и проанализировать высказывания по этой проблематике, принадлежащие последнему председателю Главного совета СРН и одному из лидеров фракции правых в III и IV Государственных думах Н.Е. Маркову (1866–1945), а также ввести в научный оборот его думские выступления, посвященные обвинениям СРН в террористической деятельности.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Ч. 3. Заседания 65–94 (с 8 марта по

10 апреля 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. 3243 стб.

В дореволюционные годы Н.Е. Марков решительно опровергал обвинения своих политических противников, ставивших в вину СРН различные незаконные деяния. Самого Маркова в этих эксцессах, как правило, никто не обвинял, поскольку вождем СРН он стал уже после окончания революции 1905 года, возглавив после раскола этой черносотенной организации умеренную ее часть, и ни к погромам, ни к громким политическим убийствам отношения действительно не имел. Однако, несмотря на расхождение во взглядах по целому ряду вопросов с первым председателем СРН А.И. Дубровиным, Марков всегда вступался за честь союза, неизменно отстаивая позицию, согласно которой ни руководство партии, ни видные ее члены, никакого отношения ни к погромам, ни к актам единичного террора отношения не имели. При этом Марков не отрицал того, что во время революционной смуты 1905–1907 гг., когда в условиях сильного общественного возбуждения и озлобления начались эксцессы, чреватые гражданской войной, правые монархические силы выступили на защиту самодержавия и дали отпор революции.

В 1905 г. Марков еще не состоял в рядах СРН, а являлся одним из лидеров Курской народной партии порядка (КНПП). На первом торжественном собрании членов партии, состоявшемся в конце 1905 г., Марков призывал всех «истинно русских людей» сплотиться и дать организованный отпор революции. В заключение своей речи Марков предложил ходатайствовать пред правительством, чтобы членам КНПП было разрешено вооружиться «на тот случай, чтобы члены партии могли приходить на помощь войскам, где их будет недостаточно» (Заседание партии правового порядка // Курский листок. 1905. 21 декабря). Во всех других случаях правый оратор призывал действовать мирным путем. Позже, рассказывая с думской трибуны об этой стороне деятельности курских правых, Марков так оправдывал необходимость создания вооруженных формирований из сторонников самодержавия: «В то время была гражданская война ... [и] война была почти односторонняя; революционеры били мирных граждан, а мирные граждане

отвечали на револьверные выстрелы и бомбы камнями и палками» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2273)². По его словам, черносотенная дружина в Курске образовалась 20 октября 1905 г., когда никто еще не слышал про существование СРН и А.И. Дубровина. После того как революционные боевики обстреляли патристическую манифестацию, убив 6 черносотенцев и еще нескольких ранив, монархисты организовались в дружину, которая «камнями, палками и голыми руками» разгромила левых, избив некоторых из них «весьма серьезно» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2273–2274)². Для наглядности, Марков приводил факт из собственной биографии: после того, как его обстреляли неизвестные, он на правах члена земской управы обратился к курскому вице-губернатору с просьбой в ускоренном порядке разрешить ему ношение оружия, поскольку ввиду своего «явного черносотенного поведения», не был уверен, что покушение не повторится. Но вице-губернатор перенаправил его к полицмейстеру, а тот, не желая брать на себя ответственность, решил никому оружия не выдавать. В связи с этим, иронично говорил Марков, он совершил преступление – купил револьвер на рынке у «первого негодяя, потому что в то время револьверы продавались на рынке безо всякого разрешения за несколько рублей». «В таком же преступлении, – резюмировал правый политик, – виноват и Союз русского народа...» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2275–2276)².

Трактуя деятельность монархистов по формированию дружин как самооборону, Марков указывал своим противникам из левого лагеря: «...Самозащита если и не разрешается, то все же не наказывается законом. Ведь в то время вы ничего не говорили, да и теперь я не слышу ваших протестов против еврейской самообороны. <...> Тогда все вооружались, тогда было время ... [когда] одна часть населения готовилась сразиться с другой ... ибо правительство в то время перестало выполнять

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. 4. Заседания 101–126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). СПб.: Государственная типография, 1909. 3477 стб.

свои функции» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2275)². Защищая право монархически настроенного населения вооружаться для отпора вооруженным революционерам, Марков сравнивал черносотенные дружины с народным ополчением смутного времени – отрядами Минина, Пожарского и Ляпунова, отмечая, что это «тоже были боевые дружины союза русского народа» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2277)².

Естественно, что Марков защищал и дружины СРН, которые организовывались при содействии властей для противодействия революции и даже встречали поддержку православного духовенства. (Так, например, епископ Андрей (Ухтомский), называл факт появления черносотенных дружин «утешительным явлением» и призывал русских людей следовать этому примеру для защиты «народного быта» от посягательств революционеров, предлагая создавать дружины народной охраны на базе церковных приходов (Андрей (Ухтомский). Приходская оборона // Казанский телеграф. 1906. 3 сентября). Предполагалось, что черносотенные дружины будут действовать под контролем властей, оказывать содействие полиции и армии в деле наведения порядка, а также защищать представителей власти и массовые собрания монархистов от возможных актов революционного террора. Уже в январе 1906 г., в годовщину «Кровавого воскресенья», около 700 петербургских черносотенцев, прикомандированных к полицейским участкам, охраняли дворцы сановников и помогали обеспечивать правопорядок (Омельянчук, 2006. С. 596–597), а в день открытия I Государственной думы вооруженные члены СРН патрулировали улицы вокруг Зимнего дворца (Степанов, 2013. С. 238). В 1906–1907 гг. черносотенные дружины были созданы в ряде городов Российской империи. Скандальную славу снискала себе одесская дружина, бывшая, по мнению исследователей, самой многочисленной боевой организацией правых (по разным оценкам от 200 до 500 чел.) и сумевшая взять под свой контроль город (Степанов, 2013. С. 238–239). В Ярославле патрули боевой дружины СРН фактически взяли на себя выполнение функций

полиции, «пресекая любые проявления “вызывающего поведения” горожан» (Размолодин, 2020. С. 165). Патрулирование улиц осуществлялись черносотенцами и в других городах – Москве, Костроме, Киеве, Одессе. Членами дружин становились не только городские обыватели, ремесленники и мелкие торговцы, но также студенты и гимназисты, придерживавшиеся монархических взглядов, хотя местами в ряды этих организаций вливались уголовные элементы, перебежчики из левых боевых дружин, деклассированные элементы. Вооружались дружинники палками, ножами и револьверами, крайне редко винтовками. Огнестрельным оружием в большинстве случаев их снабжали представители власти. В столице империи СРН пользовался деятельной поддержкой санкт-петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница (Герасимов, 1985. С. 150). Боевые дружины черносотенцев, несомненно, оказали большую услугу самодержавию. Они активно содействовали жандармам и полиции, водворяли порядок там, где полицейских сил было недостаточно, участвовали в стычках с революционными боевыми дружинами (при этом правые дружинники нередко погибали в этих столкновениях). В ряде городов черносотенные дружины сыграли важную роль в очищении улиц от революционных и оппозиционных митингов и демонстраций, а также от левых боевых дружин, пытавшихся взять на себя функции городской милиции. Конечно, правые дружинники далеко не всегда оставались в рамках закона. Пользуясь правом устраивать обыски, петербургские дружинники оказались замешаны в скандале с пропажей у обыскиваемых ценных вещей (Герасимов, 1985. С. 151). Членов боевых организаций обвиняли в провокациях, в незаконном задержании заподозренных ими в сочувствии революции людей, в вымогательстве, в самовольных расправах (избиениях, порках) и использовании своих полномочий для сведения личных счетов, хулиганстве (Омельянчук, 2006. С. 602, 608–609, 612). В ходе силовых акций и потасовок с левыми, черносотенные дружинники неизбежно прибегали к насилию, в результате которого были и человеческие жертвы. Как справедливо отмечает

М.Л. Размолодин, «заинтересованное отношение губернской администрации и полиции в пресечении революционных проявлений развязывало дружинникам руки. Не имея возможности держать население в страхе силами военно-полицейского аппарата, будучи вынуждены лавировать среди различных социальных групп, власти благосклонно пользовались услугами СРН» (Размолодин, 2020. С. 165–166).

Заступаясь за черносотенцев, участвовавших в боевых дружинах в дни революции, Н.Е. Марков не без сарказма говорил с думской трибуны: «Я прошу вас помиловать черносотенцев, которые, не желая того, чтобы их резали как баранов, вооружались. <...> Союз виноват в вооружении беззащитных рабочих Путиловского и других заводов, которых ежедневно десятками расстреливали “товарищи”. Черносотенцев в то время топили, вешали, расстреливали, в них бросали бомбы, и вот они, обуреваемые желанием спасти свою жизнь, возымели намерение объединиться, вступили в члены Союза русского народа, и Союз русского народа преступно содействовал им в приобретении револьверов. Быть может, Союз русского народа поступал преступно, быть может, он не должен был этого делать, быть может, он должен был выдать списки союзников революционным товарищам, и те бы живо уничтожили эти “гнусные банды союзников”» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2274–2276)². И эти слова не были сильным преувеличением. В некоторых регионах, где правые не смогли создать боевые дружины, им приходилось отказываться от борьбы и скрываться от разгула левого террора. Так, например, боевик РСДРП И.М. Мызгин хвастался, что «уфимские “истинно русские люди”, после того, как наши боевики пристрелили одного из их главарей, форменным образом ушли в подполье, – перестали носить значки, собрания стали проводить тайком...» (Мызгин, 1959. С. 137). В связи с этим Марков, в одном из своих выступлений в III Государственной думе под аплодисменты правых заявил, что если «господам, сидящим на левых скамьях удастся повторить революцию, заверяю вас честным словом, что не только буду вооружать всех верных отечеству,

не только буду вооружаться сам, но буду стрелять в ваши революционные головы до тех пор, пока хватит последней капли крови, и не буду считать себя преступником ... ибо в таких случаях всякий гражданин должен защищать свое отечество и свое государство всеми зависящими от него средствами. В известных случаях убийство действительно есть доблесть: убить врага отечества, который идет на разрушение своего государства, есть доблесть, ибо это убийство во время войны» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2277)².

Однако представ в 1917 г. перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства (ЧСК ВП) Марков уже не был столь откровенен. Отвечая на вопросы председателя, Марков не просто говорил о своем отрицательном отношении к насилию и террору, но и заявлял, что слышит о существовании боевых черносотенных организаций «в первый раз» (Падение царского режима, 1926. С. 178)³. Понятно, что обстановка допроса не располагала правого политика к искренности, и он старался не давать следствию никаких сведений, которые бы в дальнейшем могли быть использованы против него и его соратников. При этом важно отметить, что самого Маркова ЧСК ВП в уголовно-наказуемых злодеяниях не подозревала и не обвиняла. Не найдя в действиях Маркова каких-либо преступлений и удовлетворившись полученными от правого депутата сведениями, ЧСК ВП вскоре его освободила (Иванов, 2013. С. 15–20).

Но если Марков не только не отрицал вооруженной борьбы правых дружин с революцией и даже полностью оправдывал ее, то обвинения СРН в организации погромов и терактов решительно отвергал. Сегодня историками черносотенного движения убедительно показано, что СРН возник уже после того, как по России прокатилась кровавая волна погромов (Степанов, 2013. С. 91). Лидеры СРН погромов не организовали, публично к ним не призывали, этот метод борьбы с еврейством отвер-

³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 6. 416 с.

гали и хотя некоторые из них могли сочувствовать этим преступным проявлениям народной стихии, публично одобрять погромы никогда не решались. Напротив, лидеры правых часто подчеркивали, что после того, как монархические настроенные народные массы были организованы в рамках СРН, погромные эксцессы прекратились. Другое дело, что антисемитская литература правых могла влиять на умонастроения масс, провоцируя их к погромам, однако помимо этого влияния был еще целый ряд факторов, значительно более важных – религиозный, экономический, политический, что в совокупности и привело к погромному взрыву осени 1905 г. Лидеры правых, включая Маркова, действительно позволяли себе неприемлемые по современным меркам антисемитские выпады, могли даже пугать евреев тем, что если их единоплеменники не прекратят антимонархической и антицерковной деятельности, то их может ждать новая волна погромов, но никогда не призывали к этим акциям членов своих партий и союзов. Скорее, они указывали на то, что если государственная власть снова самоустранится, законы перестанут действовать, то вожди правых партий не смогут удержать народные массы от погромов. И предупреждали левых, что в таком случае, виновниками новых еврейских погромов станут именно они. Поэтому, например, трактовать думскую речь Маркова, произнесенную в связи с делом Бейлиса, как «прямой призыв к еврейским погромам» (Тагер, 1996. С. 71) и тем более, как указание на то, чтобы «все евреи “до последнего” должны быть перебиты в предстоящих погромах» (Лакер, 1991. С. 120), большая натяжка, поскольку в подлинных словах правого политика, достаточно резких и неполиткорректных, речь все же шла о другом (Кожин, 1998. С. 110). Требуя от власти рассмотрения вопроса о ритуальных убийствах, в которых он обвинял «секту иудейскую», правый политик заявлял: «Тут говорили о погромах. <...> ...С тех пор, как Союзы русского народа взяли в свои руки народные массы (*смех слева*), именно с тех пор нет еврейских погромов, и никакими хохотами, никакими голословными возражениями вы этого не опровергните. Итак, благотворное влияние монархических организаций в

этом направлении несомненно. Мы удерживаем народ от проявления дикого зверского произвола; мы удерживаем народные массы от иудейских погромов, но это делать мы можем только до той минуты пока ... сохраним нравственное право ... убеждать союзников в том, что есть еще правда на земле, что есть еще закон ... Но в тот день, когда при вашем соучастии, господа левые, русский народ убедится окончательно в том ... что уже нет закона, что уже нет возможности обличить на суде иудея ... в тот день, господа, будут еврейские погромы. Но не я их накличу – эти погромы, и не Союз русского народа ... вы сами создадите погром, и этот погром не будет таким, какие бывали до сих пор, это не будет погром жидовских перин, а всех жидов начисто до последнего перебьют» (Государственная дума. Состы III. Сессия 4, 1911. Стб. 3145–3146)⁴. В другой своей речи Марков заявлял: «Я констатирую факт, что с 1906 г., за все 5 лет, с тех пор, как доблестные Союзы русского народа учреждены в России, не было еще ни одного еврейского погрома, и те, кто говорит обратное, те лгут; именно со времени создания Союза русского народа все те силы, разрозненные и неорганизованные, которые ранее делали погромы, теперь погромов не производят, не производят, благодаря Союзу русского народа, и не будет погромов, пока мы их удерживаем от этого» (Государственная дума. Состы III. Сессия 4, 1911. Стб. 1600)⁴. А в 1917 г. на допросе ЧСК ВП Марков так пояснял отношение лидеров черной сотни к погромам: «К погромам мы их (членов СРН. – А. И.) не призывали, мы призывали их к воздержанию от погромов. Со времени организации Союза русского народа в России не было ни одного погрома; может быть, теперь они и будут, после закрытия. Наша деятельность в этом отношении очень удачна» (Падение царского режима, 1926. С. 191)³.

Представляется, что подобные заявления не были лишь игрой на публику. Ни Марков, ни другие вожди правых не воспользовались ни убийст-

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Состы III. Сессия 4. Ч. 2. Заседания 39–73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. 3722 стб.

вом П.А. Столыпина, ни делом Бейлиса, чтобы организовать еврейские погромы (хотя оппозиционные силы всякий раз распускали подобные слухи, обвиняя черносотенцев в подготовке новой волны погромов). Но, несмотря на то, что среди членов черносотенных союзов наверняка были те, кто был бы рад воспользоваться столь подходящими для погромов поводами, руководство правых партий повело себя ответственно, поскольку было заинтересовано не в новой смуте, а в стабильности общественно-политической ситуации в стране. Когда в 1913 г. распространились слухи, что в Киеве готовится еврейский погром в связи с делом Бейлиса, Комитет монархических организаций, учрежденный в память 300-летия царствования Дома Романовых, выступил с обращением, в котором призывал членов правых организаций «всеми доступными им средствами» удерживать население от погрома (Богоявленский, 2012. С. 173–174). К выводу о том, что именно «отсутствие у традиционалистов руководящего и организующего центра не позволило сдержать разрушительную энергию масс» в октябре 1905 г. приходит и современный исследователь М.Л. Размолодин, отмечающий, что «только с появлением черносотенных организаций, взявших под контроль народную стихию, погромы уходят в прошлое и возвращаются вновь во время Гражданской войны. Но ответственность за них монархисты уже нести не могли» (Размолодин, 2011. С. 87). Наглядным подтверждением этому выводу является значительно более страшная волна еврейских погромов, захлестнувшая южные и юго-западные территории бывшей Российской империи в годы Гражданской войны и унесшая жизни от 50 до 200 тыс. человек, не считая искалеченных и ограбленных (Будницкий, 2005. С. 7). Причем происходили они при попустительстве или прямом участии в них отнюдь не царского правительства или монархистов-черносотенцев, а петлюровцев, зеленых, белых и красных.

Впрочем, это, естественно, не означает, что участники еврейских погромов 1905 г. не могли позже влиться в ряды черносотенных партий и союзов, равно как и то, что среди деятелей правого движения не могло быть «погромных настроений».

О том, что к СРН во время активной борьбы с революцией присоединились «нечистые элементы», публично говорил в 1909 г. и Марков, при этом подчеркивая, что «наши отбросы – не суть Союза русского народа» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2297)². Официально погромная тактика вождями черной сотни осуждалась, ибо являлась действием «революционным», преступным, развращающим массы. Ведь те, кто вчера с энтузиазмом громил еврейские лавки, завтра с легкостью мог оказаться среди тех, кто будет жечь дворянские усадьбы. Да и из прагматических соображений погромы, от которых страдали преимущественно представители мелкой еврейской буржуазии, были для лидеров правых явлением совершенно бесполезным, ибо их жертвы не имели никакого отношения к тем евреям, которые, по мнению теоретиков из консервативного лагеря, сосредоточили в своих руках мировые финансы, влияли на судьбы мира или же руководили революционным движением.

Убийства кадетов М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса и трудовика А.Л. Караваева Марков в своих дореволюционных выступлениях категорически отказывался связывать с деятельностью СРН, а покушение на С.Ю. Витте, в дымоход дома которого были спущены две бомбы, комментировал исключительно иронически: «Не знаю, к чему тут припутан гр. Витте, ибо он жив и самый факт покушения на убийство до сих пор не установлен; долго думали, что вместо бомб в камин графа Витте были положены коробки сардин» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2270–2271)². На обвинения со стороны социалистов и кадетов, осуждавших единичные случаи террора справа, но закрывавших глаза на многочисленные проявления левого террора, он не без оснований указывал, что «у здешних судей имеются две меры, одна для своих, другая для чужих», убийство правых «считается здесь актом гражданской доблести», а убийство своих единомышленников оказывается преступлением (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2269)². Он напоминал, что обвинения по адресу СРН в терроре выдвигаются теми политиче-

скими силами, которые «и в первой, и во второй Думе официально, публично отказывались осудить политические убийства» и трактовали убийства сторонников самодержавия как «гражданский подвиг» и «возмездие разгневанного народа» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2268)². Максимум, на что был готов согласиться Марков, да и то в случае предоставления ему бесспорных доказательств (отметим, что организаторов или заказчиков убийств Герценштейна, Иоллоса и Караваева дореволюционный суд так и не установил), что «один из многих миллионов союзников (т. е. членов СРН. – А. И.) может оказаться убийцей». Но из этого, заявлял он, никак невозможно выводить, «будто Главный совет Союза русского народа или вообще Союз русского народа, причастен к убийству». «В лучшем для вас случае, – говорил он, обращаясь к политическим противникам слева, – это убийство (Герценштейна. – А. И.), совершенное единичным союзником, а никак не организацией. Между убийством, совершенным одним из множества союзников и убийством, совершенным организацией, лежит бездна...» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2282)². Указывая, что в члены СРН мог быть принят абсолютно любой русский православный человек, сочувствующий целям союза, Марков допускал, что вступить в партию могли как темные личности, способные на преступление, так и провокаторы, чтобы своими действиями дискредитировать правых монархистов.

Опровергал он обвинения в адрес СРН в причастности к политическим убийствам и на допросе в ЧСК ВП. Членам следственной комиссии он заявил, что «всегда считал возмутительной клеветой, что Союз русского народа организовывал убийства и притом таких сравнительно невинных людей, как Иоллос, Герценштейн и Караваев» (Падение царского режима, 1926. С. 178)³ и распространяться дальше на эту тему не стал. Однако в эмиграции Марков признал причастность членов СРН к перечисленным выше терактам. «К единоличному террору, – писал он в 1920-е гг., – Союз русского народа прибегал в редких случаях, да и то лишь в первые годы своей деятельности. Известны убий-

ства иудеев⁵ Герценштейна в Финляндии, Иоллоса в Москве и Караваева в Харькове⁶. Как ни редки были эти случаи, на иудеев они произвели в свое время громадное воспитательное впечатление» (Марков, 2002. С. 497). При этом Марков подчеркивал: «Я был в числе тех руководителей Союза русского народа, которые были против террористических актов, и после 1910 года, когда я был избран председателем Союза, с нашей стороны не было совершено ни одного акта террора» (Марков, 2002. С. 497–498). Последнее утверждение правого политика соответствовало истине, в 1910–1917 гг. возглавляемый им СРН не был замешан в историях с политическими убийствами. Но при этом Марков не отрицал того, что сам он был бы не прочь уничтожить врагов царской России, но лишь исключительно законными средствами. Выступая в мае 1909 г. в Государственной думе, он откровенно заявил: «Мы видим в революционерах своих кровных, смертельных врагов и стремимся их уничтожить всеми доступными нам законными средствами. <...> Вот разница: вы нас хотите уничтожить нелегальными средствами, а мы стремимся вас уничтожить средствами легальными» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2266)². Но в одной из своих эмигрантских работ Марков, по сути, оправдывал террор справа и задавался вопросом, ответ на который, кажется, сам себе он уже дал: «...Мысленно озирая все происшедшее в России, я спрашиваю: не лучше ли было вовремя устранить какую-нибудь сотню-другую виднейших зачинщиков революции и тем самым спасти десятки миллионов жизней, безвинно погибших, и тем спасти Россию?» (Марков, 2002. С. 497–498). К сожалению, до нас не дошли мемуары Маркова, задуманные им в эмиграции как трехтомник, вторая книга которых целиком должна была быть посвящена борьбе с революцией и, по его собственным словам, быть насыщенной «фактами исторического значения», способствующими реабилитации черносотенства (Иванов, Машкевич, Пученков, 2014. С. 82). Судя по всему, рукописи эти, над которыми

⁵ Герценштейн был крещеным евреем.

⁶ На самом деле – в Екатеринославе.

бывший лидер СРН работал в 1930-е гг., погибли во время Второй мировой войны, а потому суждения Маркова этого периода о причастности правых к террору, видимо, так и останутся для нас неизвестными.

В отличие от других лидеров черносотенного движения (В.А. Грингмута, А.И. Дубровина, В.М. Пуришкевича) Н.Е. Марков уделил проблеме правого террора гораздо больше внимания, коснувшись всех его аспектов – еврейских погромов, деятельности боевых дружин и отдельных террористических актов. И хотя аргументация Маркова по вполне понятным причинам выдержана в сугубо апологетическом духе, она представляет несомненный интерес для исследователя. Во-первых, она дает достаточно полное представление об отношении к террору одного из вождей СРН. Во-вторых, позволяет взглянуть на эту сложную проблему, воспользовавшись совершенно иной, отличной от распространенной в левых и либеральных кругах (а также и в советской историографии), «оптикой». В-третьих, заставляет обратить внимание на важные аспекты этой темы, которые довольно часто упускаются историками из вида: какова бы ни была степень ответственности СРН за акты насилия, совершенные членами этой правой организации в 1906–1907 гг., нельзя рассматривать эти нарушения закона и преступления в отрыве от общей политической ситуации периода Первой российской революции (фактически начавшейся Гражданской войны) и массового террора слева. Важно и принципиально иное отношение к актам политического террора правого и левого лагерей. Ведь если левые радикалы своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре практически всегда отмежевывались, осуждали его и объясняли участие отдельных своих членов в политических

убийствах их личными низкими моральными качествами. Показательно, что оправдывая открытое противостояние черносотенных дружин революционерам на улицах, Марков не находил оснований для публичного оправдания убийств политических противников; он с вызовом говорил о своей солидарности с теми, кто дал отпор врагам самодержавия, но всеми силами дистанцировался от единомыслия с погромщиками и террористами. И хотя в 1920-е гг. Марков фактически признал, что в период революции 1905–1907 гг. к отдельным актам террора черносотенцы все же прибегали и даже, учитывая последующий крах самодержавия, Гражданскую войну и массовый террор, допускал, что своевременное физическое устранение наиболее видных революционеров могло бы быть для страны меньшим злом, чем случившиеся события, все же счел нужным заявить, что сам он всегда был против самочинного террора. Уже в эмиграции, в 1922 г., после того как двое молодых офицеров-монархистов, пытаясь «казнить» П.Н. Милюкова убили другого видного либерального деятеля – В.Д. Набокова, Н.Е. Марков, являвшийся председателем Высшего монархического совета, издал «секретный приказ», строго воспрещавший любую террористическую деятельность, отмечая, что такие действия «отдельных неуравновешенных ... русских монархистов» приводят к «тяжелым и чрезвычайно вредным последствиям ... для нашего святого дела при всяком акте террора» (Верная гвардия..., 2008. С. 560). Возможно, что последние слова из этого приказа были в чем-то итогом того горького для правых опыта, когда физическое устранение нескольких оппозиционных деятелей не принесло им ничего, кроме сильнее удар по репутации.

Библиографический список

Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М. : Московский государственный областной университет. 2012. 242 с.

Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 552 с.

Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-

References

Bogoyavlenskii D.D. (2012) The problem of leadership in the Union of the Russian People. Moscow: Moscow Region State University. 242 p. (In Russ.)

Budnitskii O.V. (2005) Russian Jews between the Reds and the Whites (1917–1920). Moscow: Russian political encyclopedia. 552 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2008) Loyal Guard. Russian turmoil

монархистов / сост. и ред. А.А. Иванов. М. : Посев, 2008. 748 с.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж : YMCA-PRESS, 1985. 208 с.

Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н.Е. Маркова (по материалам личных писем политика) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. Ч. 2. С. 79–85.

Иванов А.А. «Отреченные дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 15–24.

Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 649 с.

Карпукхин Д.В. «Черная сотня»: вехи осмысления в России. М., 2009. 387 с.

Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, доп. М., 1998. 228 с.

Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон : Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Издательство политической литературы, 1972. Т. 13. 579 с.

Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М.Б. Смолин. М. : Москва, 2002. 521 с.

Маршалова И.К. Черносотенное движение в России: причины и последствия // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск: Симбирская книга, 2005. Ч. 2. С. 179–185.

Мызгин И. Ни Бог, ни царь и не герой. Воспоминания уральского подпольщика. М. : Молодая гвардия, 1959. 332 с.

Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. 171 с.

Омельяничук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев : МАУП, 2006. 744 с.

Размолодин М.Л. К вопросу об участии черной сотни в еврейских погромах в России в октябре 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 86–87.

Размолодин М.Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Б. м.]: Издательские решения, 2020. 352 с.

through the eyes of monarchist officers. Moscow: Posev. 748 p. (In Russ.)

Gerasimov A.V. (1985) On the edge with terrorists. Paris: YMCA-PRESS. 208 p. (In Russ.)

Ivanov A.A., Mashkevich S.V., Puchenkov A.S. (2014) Unknown pages of N.E. Markov's emigrant biography (by materials of politician's personal letters). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktik = Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice.* No. 1. Pt. 2. P. 79–85. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2013) "The renounced days of the February Revolution" in the fate and perception of N.E. Markov. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady = Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views.* St. Petersburg: ElekSis. P. 15–24. (In Russ.)

Witte S.Yu. (2003) From the archive. Memories. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. Vol. 2. 649 p. (In Russ.)

Karpukhin D.V. (2009) "Black Hundred": Milestones of understanding in Russia. Moscow. 387 p. (In Russ.)

Kozhinov V.V. (1998) "Black Hundreds" and the Revolution (mysterious pages of history). Moscow. 228 p. (In Russ.)

Laker U. (1991) Russia and Germany. Hitler's mentors. Washington: Problems of Eastern Europe. 485 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1972) Complete Works. Ed. 5th. Moscow: Political Literature Publishing House. Vol. 13. 579 p. (In Russ.)

Markov N.E. (2002) Wars of the Dark Forces. Articles. 1921–1937. Moscow: Moscow. 521 p. (In Russ.)

Marshalova I.K. (2005) Black-Hundred Movement in Russia: Causes and Consequences. *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg.: istoricheskii opyt razresheniya vnutriobshchestvennogo krizisa i sovremennost' = The First Russian Revolution of 1905–1907: Historical Experience of Resolving an Intrasocial Crisis and Modernity.* Pt. 2. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. P. 179–185. (In Russ.)

Myzgin I. (1959) Neither God, nor Tsar and Not a Hero. Memoirs of a Ural underground worker. Moscow: Young Guard. 332 p. (In Russ.)

(1992) National right before and now. Historical and sociological essays. Russia and the Russian Diaspora. St. Petersburg. Pt. 1. 171 p. (In Russ.)

Omel'yanchuk I.V. (2006) Black-Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914). Kiev: MAUP. 744 p. (In Russ.)

Razmolodin M.L. (2011) On the Black Hundreds participation in anti-Jewish pogroms in October 1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* No. 346. P. 86–87. (In Russ.)

Razmolodin M.L. (2020) The ideology of Black Hundred organizations in Russia at the beginning of the twentieth century. [City not specified]: Publishing solutions. 352 p. (In Russ.)

Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М. : Яуза-пресс, 2013. 672 с.

Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М. : Терра, 1996. 333 с.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры
Новейшей истории России, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
Россия,

✉ Россия, e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Заявленный вклад автора

А.А. Иванов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 4 июня 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки
21 августа 2021 г.

Принята к публикации 30 августа 2021 г.

Stepanov S.A. (2013) Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia? Moscow: Yauza-press. 672 p. (In Russ.)

Tager A.S. (1996) Tsarist Russia and the Beilis Case. Moscow: Terra. 333 p. (In Russ.)

Information about the author

Andrei A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor by the Department of Modern
History of Russia, Institute of History,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg 199034, Russia,
✉ e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Contribution of the author

A.A. Ivanov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received June 4, 2021.

Received August 21, 2021.

Accepted August 30, 2021.